

Валентина в инситуте так больше не появилась. А к своему опусу я вернулся только на следующий день, придя из института. Молча прочитав последнюю страницу, и на меня снова накатило. Я будто опять попал в тот самый день.

Вечером прямо перед приездом тети Кати у Лены поднялась температура. Она, сидя на кровати, дрожала, укутавшись в одеяло и её всю ломало. А я, я не знал, что делать. Потом появилась тетка, и все сразу встало на свои места. Сестра была уложена в постель. Потом её «накормили» горстью пиллюль, а напоследок заставили... брр... выпить стакан горячего кипяченого молока с медом. Через полчаса Лена заснула.

— И что же вы делали? — начала пытать меня тетка когда мы встретились на кухне. — Целый день купались?

— ... — недоуменно пожал я плечами, — она вовсе в воду не заходила, а я окунулся пару раз. И всё. — Про то, что между нами произошло на пляже, благоразумно умолчал.

— Ну-ну... — потянула тетка и, оглянувшись, полезла в шкаф.

Вскоре на свет появилась бутылка коньяка. Водрузив её на стол, она достала пару рюмашек и заговорщики мне, подмигнув, произнесла:

— Только между нами. Ленке ни чего не говори! — в рюмашки забулькал ароматный напиток, отливая насыщенным красно-коричневым цветом. — Давай, — пододвинула она мне стопку.

— А закусить?

— Там в холодильнике посмотри шоколад. Извини, но лимона нет.

Я достал плитку шоколада, разорвав обертку, поломал её на дольки.

— За что пьём? — поинтересовался я.

— Воссоединение семьи... — туманно ответила мамина сестра.

Мы не чокаясь, выпили. Напиток обжег горло, но как-то мягко ухнул в желудок. Я схватился за кусок шоколада, а тетка, словно подсмеиваясь надо мной, уже булькала по рюмкам вторую порцию. Я не успел ещё и «мяу» сказать, как вторая рюмочка была опорожнена. У меня чуть зашумело в голове и вдруг неожиданно стало хорошо-хорошо! Напряжение дня, словно ухватившее меня в тиски исчезло. А тетя Катя, так и не закусывая, уже «насыпала» третью рюмку. И тут же ухватившись за коротенькую ножку, подняла её вверх.

— Будем! — прозвучал странный тост, и она в упор глянула на меня.

— Уже? — жуя очередную дольку шоколада, с сомнением выдал я. — Может, чуть подождем? Перекусим? А то я так с копыт махом слечу...

Тетя Катя рассмеялась. Вот так всегда:

— Есть время, а выпить не с кем... есть с кем выпить, а времени — тю-тю! — рассмеялась она.

— Пей двоечник! Тебя этому ещё на первом курсе должны были научить. — Она беззлобно хохотнула и проглотила коньяк одним глотком.

— ... — с сомнением глянул я на свою порцию. Поднял рюмку и выдал, — больше, пока не поем... ни-ни! — и опрокинул содержимое в рот.

Не сказать, что меня заштормило, но чуть повело это точно. Не большой я любитель вмазать по поводу и без, а тем более без закуси. Глянув на моё раскрасневшееся лицо, тетка

предложила:

— Давай так... — она словно задумалась. — Я сейчас займусь ужином, а ты протопиши баню. Потом поужинаем, и сходим, помоемся.

— Ладно, — кивнул я, соглашаясь и пропустив последние слова мимо ушей. Потом встав из-за стола, вышёл во двор.

Все повторилось как в день приезда. Дрова, огонь, я заворожено уставившийся в печь. И неожиданное «пробуждение» из транса, в который я впал. Тетя Катя, зайдя в раздевалку, довольно бесцеремонно растолкала меня. Как и тогда она была в халатике правда куда более откровенном.

— Кажется, это называется пеньюар, — заполошно мелькнуло в голове.

Полупрозрачная синтетическая ткань длинными водопадами падала до щиколоток. Тонкий лиф, обтянувший груди позволил рассмотреть скрытые под ним крупные, напряженные соски. На светлой ткани внизу живота четко выделялся темный треугольник лобка.

В голове осторожного человека зазвенел бы звоночек; у бывалого человека — завизжала сирена, сопровождаемая не двусмысленным предупреждением: «Ахтунг! Выпившая женщина в пеньюаре, рядом с молодым человеком!»...

А я просто вылупился на красивую драпировку пытаясь разглядеть скрытое под... словно маленький мальчик я «завис» разглядывая шикарное тело. Она явно знала, как привлечь мужчину. Зачем показывать все в открытую, если можно заставить партнера включить воображение, которое само заполнит незначительные пробелы и красочно разрисует перспективы. Мой жадный взгляд явно не ускользнул от неё. Она была пьяна, ну не до выпадения в осадок, но в той стадии когда «море по колено». Скорее всего, добила ту вытащенную из заначки бутылку.

— Что? Нравится? — как-то по особенному спросила она, с приподыханием одновременно поведя плечиками, так что тонкая ткань, обтягивающая её огромную грудь, несколько сдвинулась в стороны, словно демонстрируя мне то, что спрятано под ней.

—... — закивал я, продолжая молчать, считая, что коньяк, выпитый не так давно, хочет сыграть со мной шутку.

— Да ладно тебе! — она подошла ко мне вплотную и её мягкая, но цепкая рука потрепала щеку. — Не тушуйся! Тетушка чуток перебрала, а ты... — она с укором посмотрела мне в глаза, — слишком похож на своего отца.

— Глаза... — наконец мне удалось выдавить из себя слово.

— А что глаза? — не поняла она, и её рука вдруг скользнув по моему животу, поглаживая мне пах, в котором вырисовывался уже откровенно огромный бугор.

— Они... как у мамы... — проблеял я, не зная, что делать и как выкручиваться из этой ситуации.

— Ох уж эта Верка! Заносчивая эгоистка. Она всегда мне все ломала, как разбила и жизнь. Ты ведь уже большой мальчик! — её рука сжала мои причиндалы оттягивающие резинку на штанах. — Ты ведь меня хочешь?! — навалилась она на меня своей мягкой грудью и зашептала на ушко. — Я ведь не такая старая, и могу позволить тебе все, что захочешь... — её глаза были как у Ленки не просто карие, а светло-коричневые с яркими зелёными искрами. Они словно посветлели налитые вожделением и сладострастием.

Я поплыл. Всё это не укладывалось в моей бедной голове. Вот так! То ничего, а то сразу все.

— Обними меня милый, и я как добрая волшебница открою тебе тайны мироздания...

Я словно робот неуклюже обхватил её за талию и на моих губах расцвел поцелуй. О нет, это был не просто прикосновение. Она буквально впилась в меня, работая мягким и сладким язычком. Его движения выбили из меня дух, я словно Икар взлетел на крыльях желания и сильно прижал её к себе. Мои руки, живя своей жизнью и управляемые откровенными похотливыми эмоциями, прошлись по спине от пышных ягодиц до головы, а потом рывком, так что затрещала ткань, сорвали с плеч её прозрачную защиту. Пеньюар легко скользнул, вниз зацепившись где-то в районе локтей, и я с дрожью начал гладить её пышные груди. Почти мгновенно их чуть красноватый цвет кожи — побледнел, мне даже показалось что они стали тверже.

— Что я делаю? Ведь это родная сестра моей мамы, — мелькнуло в голове, и тут же пропала задавленное пробившей меня любострастностью.

— Целуй меня мальчик, целуй... — зашептала тетя Катя, прижимая мою голову к себе и подставляя под ищущие губы то одну, то другую грудь. — А ведь ты мог бы быть моим сыном... — еле слышно прошептала она.

Я услышал последнюю фразу, но не понял её значение. Мне вообще стало тяжело думать и анализировать происходящее. Все мои мысли сосредоточились в голове, только там внизу... Я тискал податливое женское тело, а она ласкала меня. Уже скоро с меня словно по волшебству слетели штаны с трусами и футболка, а тетушка оказалась без пеньюара. Через несколько мгновений она затолкала меня в баню. Я тут же оказался усаженным на лавку под тем самым окном. Я ещё соображал: «Что бы это значило?», а моя партнерша уже встав на колени, прижалась лицом к паху, вернее к торчащему вверх подрагивающему органу. И снова мягкие губы перешли в наступление. Покрывая поцелуями, подрагивающий член она одновременно нежно тискала мошонку и тяжело вздыхала. Всё последующее было как стоп-кадры фильма, где я играл главную роль:

... сдвинув тонкую преграду плоти, она словно кошка, добравшаяся до бутылочки с валерианой, уже облизывает расползшуюся в стороны и занявшую весь ее рот головку члена.

... подрагивающая рука лихорадочно дрожит перед самым лицом напряженный фаллос.

... широко раскрытый рот судорожно заглатывает мой эрегированный член, умудряясь при этом звонко причмокивать.

... свободная рука тетки нервно тискает напряженные и совершенно побелевшие даже на вид отяжелевшие груди.

Всё закончилось мгновенно. Тетя Катя, неожиданно оставив в покое член, втянула в рот мошонку с одной проскальзывающей там testicul. Мягко заработавший язычок начал гонять его внутри словно биллиардный шар.

— О! Господи... — скрутило меня от вожделения, и я, подняв ноги, широко раздвинул их в стороны.

— Тебе нравится, — на мгновение, выпустив изо рта волшебный шарик, просипела она и тут же втянула в рот вторую testiculу.

— Да, боже ты мой! — содрогнулся я, когда она, чуть сжав десны, прикусила её, одновременно смачно посасывая.

— Тфо-е-му тцу так то-ше нра-ви-лось... — невнятно и глухо прозвучало в моечной, она втянула в рот второе яичко и ласкала уже оба.

— Какому отцу? Причем здесь он? — где-то на затворках сознания промелькнула мысль. А затем, мазнув пальчиком по своей истекающей соками киске медленно начала водить им у

меня между ягодиц. Я совершенно не обратил на это внимание, а зря! Через пару секунд тот, неожиданно растягивая колечко ануса, провалился внутрь и повернулся туда-сюда, словно массируя что-то расположенное прямо под мошонкой и членом.

— А-а-аа! — от неожиданности заорал я не столько от боли, сколько от мгновенно возникшего оргазма.

Мой член негодующе дернулся, прижимаясь к животу, и туже меня скрутило, и я кончил, выплескивая горячее семя вверх. Гортанный крик, вырвавшийся из глотки, не успел затихнуть, а капли упасть, как повторный приступ со сладкой ломотой уже скрутил тело и я снова «салютовал вверх холостым выстрелом».

И опять замедленное кино. Меня корежило и выкручивало спазмами. Крупные выплеснутые капли медленно падали вниз. Искаженное похотью лицо тетки, её волосы и даже груди приподнятые руками параллельно полу.

Она медленно вытащила палец из моего ануса, и опять меня затрясло словно под напряжением. Выпустив изо рта яички, она опять заглотила головку и словно насосом стала высасывать из неё все ещё выбивающее ритмичными толчками сперму. Она только что не урчала от удовольствия, слизывая и глотая поступающее семя. Высосав все и облизав до блеска головку, тетя Каты освободила меня из плена, и чуть подождав, когда я, покрытый испариной, откинулся назад, стала пальцем собирать и отправлять в рот, расплесканные по телам остатки пиршества.

— Вот ни хрена себе! — выдохнул я, подрагивая от полученного удовольствия.

— То ли ещё будет! — многозначительно пообещала моя партнерша. Её чуть покачивало то ли от влажной жары, то ли от количества выпитого.

— Ага... — бессмысленно прокомментировал её заявление.

Напряженный орган чуть опал, но это продолжалось недолго. Собрав и проглотив все, что я «наработал и скопил» за прошедшее с обеда время, она, ухватившись за фаллос, принялась яростно до боли его дрочить, а потом когда тот «воспрял духом» зажала его между громоздких грудей и продолжила процедуру, предварительно смазав уютную ложбинку между ними слюной. Обхватив объемные груди руками начала медленно, а потом, все, ускоряясь двигать их вверх-вниз. Мой многострадальный не ведавший таких изысканных ласк член почти сразу же вытянулся во всей красе, и уже скоро бордовая натруженная головка стала выныривать, сверху поблескивая туго обтягивающей её кожицей, а мягкие губы, ловя момент, смыкались вокруг неё. Я сидел, ни жив, ни мертв и только временами тихо стонал от наслаждения.

Потом тетка закрыла глаза и откинулась немного назад. Движения стали плавне и она словно впав в транс, зашептала:

— Коля! Мой Коля! Как же я по тебе соскучилась...

— Коля?! — недоуменно подумал я, наконец, собирая и ставя на место все её оговорки и недомолвки. — Коля, это мой отец, — прошептал я.

— Ааа-аа... — словно не услышала меня тетушка.

— Хочу! — неожиданно вырвалось у меня.

— Да, Коля! Возьми меня милый... — может меня и коробило от того что я это не он, но не так сильно дабы отказаться от предложенного.

Я неуклюже освободился от её хватки. Встал и подтолкнул податливое тело к лавке. Она, постанывая и чуть покручивая бедрами от желания и нетерпения, навалилась на неё грудью.

Ну а я, не заставляя себя ждать, пристроился, сзади встав на колени. Руки развели напряженные ягодицы, в стороны приоткрыв все её прелести, словно окантованные в рамку пушистых и кажущихся на вид таких мягких волосиков.

С вожделением рассматривая открывшееся я нагнулся, и мой язычок очень нежно почти не касаясь напряженной плоти промежности, прошёл по ней снизу вверх. Даже такой мимолетной ласки оказалось достаточным и она, выгнув спинку и высоко приподняв попку, застонала, плотнее вжимаясь в лавку грудью. Ещё один проход сверху вниз и дрогнувшее тело начало потряхивать. А когда мой язык, нагло раздвинув в стороны напряженные губы и проник внутрь лона она затряслась и, вопя, словно бешенная кончила. До этого разведенные в стороны бедра сомкнулись, словно приклеенные друг к дружке. Великолепная попка закрутилась, чуть ли не винтом. Спазмы оргазма пробивали её словно молнии. Она выла, выкручиваясь всеми членами и стеная что-то неразборчивое.

Не став дожидаться окончания я придвигнулся вплотную и, ухватив руками за бедра, медленно проник в неё. Её лено играло, то сжимаясь «в точку», то расслабляясь на мгновение. Продираясь, пропихиваясь, а в некоторые мгновения, проваливаясь внутрь я, наконец, уперся низом живота в подрагивающие ягодицы. Мой орган внутри неё волнообразно сдавливался ставшей вдруг невозможна эластичной вагиной. Это было приятно и ново. Хотя, что кривить душой для меня все было необычным. Она была моей второй женщиной в жизни... Да ещё и давшей мне в один день с дочерью.

— Давай! — застонала тетя, — двигайся... — уже шептала она, выгибаясь и трясясь.

Что мне оставалось делать? Я задвигался. Изначально медленно, так как орган хоть и проник в неё на всю глубину, но там внутри было ещё сухо. Потом все быстрее и быстрее. Вскоре внутри зачмокало, словно в болоте, и я уже мягко заскользил жестко шлепаясь об отставленные назад полные ягодицы. Чмок-шлёт; вперед-назад; раз-два... разносились по бане характерные звуки. Я как метроном отщелкивал ими время. Руки до белых пятен сдавили пухлые «булочки» не давая им пойти в разнос. Я, то сводил их вместе, так что они, наползая друг на друга, соприкасались, то разводил их в стороны, с вожделением разглядывая играющее колечко сфинктера. Оно, то сжималось в плотную звездочку, то раздавалась в стороны, образуя небольшое колечко.

Это прыгающее перед глазами звездочка почему-то возбуждала меня все сильнее. Неожиданно правая рука соскользнула по покрывшейся потом ягодице и, проехав по ней, уперлась большим пальцем в анус. Тот словно ожидая этого, в очередной раз раскрылся, и мой палец совершенно без усилий провалился внутрь. Тут же мышцы сжались, сдавив его как капканом. Я не успел даже мяу сказать, а тело партнерши, в очередной раз, вздрогнув, затряслось.

— Даааа... — закричала она, словно раненый зверь и задвигалась в ритме биения таза. — Ещё... — воскликнула тетка, — и покрути им! Покрути... — биение нарастало.

Я уже не мог удержать аппетитную попку на месте, и она закрутилась, завертелась на бедрах, словно вместо суставов там были пластичные шарниры. Её было выворачивало, и она кричала на одном дыхании. Мой орган просто выбросило от таких резких выкрутасов наружу. А потом у неё закончился воздух. Задыхаясь словно астматик, тетя Катя пыталась вздохнуть, тяжело налегая грудью на лавку. Вот тогда все и случилось!

Я без затей придавил её дергающееся тело к лавочке и двинул бедра вперед. Скользкий конец головки проскользнул вверх между ягодицами, на мгновение уперся в подрагивающее

колечко ануса, а потом проник внутрь. Не сказать, что он провалился, но и особых усилий от меня и не потребовалось. Я быстро задвигал бедрами, гоняя своего дружка туда-сюда. Партнерша, наконец, продышалась, и тихо поскуливая энергично закрутила попочкой, тяжело вздыхая. Было видно, что это для неё, в отличие от меня не в новинку и очень, очень нравится. А я словно молодой козлик продолжил драть тетку в попку, засаживая подрагивающий конец по самые гланзы. Вперед-назад; снова вперед по ходу движения покручивая бедрами; остановка, дабы дать нам насладиться соитием; и опять по проторенной дорожке.

Мои бедра словно барабан звонко отбивали ритм по её ягодицам, а она как-то вывернувшись сумела сунуть одну руку между ног и, ухватив за болтающуюся мошонку начала подтягивать моё разгоряченное тело, одновременно успевая ещё ласкать скользкие яйца.

Её вагина сочилась соками. Вскоре между ног стало мокрым, а я, ухая, словно дровосек в лесу загонял своего бойца в хлюпающее колечко. От возбуждения я стал похлопывать её руками по заднице, а она только бессвязно стенала все громче и громче. Наконец несвязные выкрики переросли во что-то членораздельное:

— Да! Давай Коля! Еби меня еби! Я так по тебе соскучилась...

— Да меня зовут Миша! — возмутился я, продолжая своё черное дело...

— Коля... Миша... Какая разница! Двигайся, давай! — подгоняла она меня и, отпустив собравшуюся в тугой ком мошонку, стала натирать свою киску.

В этот раз мы кончили одновременно. Я завопил, как резаный ощущая, как задергался мой «стертый до дыр» член и, сокращаясь, пытался выдавить жалкие остатки былой роскоши в её кишку. Что-то там ещё сохранилось, так как в попке зачмокало и наружу стало выдавливать желтоватую жидкость, вспенивающуюся от резких движений.

Загнав молодца до упора, я замер притянув к себе подрагивающее тело «учительницы». Мы оба были мокрые от пота, дышали, словно выложились в марафоне и дрожь, пробегающая по телу одного, вызывала ответные спазмы второго.

Потом очень медленно наши тела отстранились друг от дружки. Я без сил сел на пол, а она, с трудом выпрямившись, устроилась передо мной на лавке. Теперь я смотрел на неё снизу вверх. Объемные бедра, раздвинутые в стороны, не скрывали её покрасневшее и мокре лоно. Волосики лобка были спутаны в сплошной клубок. Пара небольших складок на животе просто терялась над нависшими над ним огромными грудями. Затуманенный взгляд постепенно становился осмысленным.

Она с интересом глянула на меня, и вдруг в её глазах мелькнуло узнавание.

— Миша?! — очень странно произнесла она, оглядываясь по сторонам. — А где Коля?

— Он дома... — неуверенно ответил я.

— Так это... — она закусила губу и с болью глянула мне в лицо, — мы с тобой...

— Ну да! — широко улыбнулся я. — Вы меня сами сюда затащили...

— Нет... не может быть... здесь был Коля! Мой Коля, которого украла твоя мать... — забормотала она.

— Это был я! — словно напыщенный индюк прервал я её шепот.

— Вот это поворот... — уже вслух произнесла она, — извини, если я тебя... — она странно посмотрела на меня.

— Да нет, мне понравилось... — ответил я.

— А то, что я сестра твоей матери...

— Совершенно не меняет дело! — слова сами рвались из моего рта. — Вы очень красивая и сексуальная. Я хотел этого с первого момента нашей встречи, — врал я словно пописанному. Во мне проснулся мужик, и я словно знал, что она хочет услышать. — Так что я в восторге и, — потянулся я, вставая, — хочу тебя поцеловать... — и впился в её губы.

Сначала неохотно, а потом все более и более страстно она впилась в мои губы и мы словно растворились друг в дружке